

Мартин Лихтмесц

**ПЬЕР ПАОЛО ПАЗОЛИНИ: ФАШИЗМ, АНТИФАШИЗМ
И ОБЩЕСТВО ПОТРЕБИТЕЛЕЙ**

Апрельский номер журнала Юргена Эльзэссера «Compact» публикует досье на «инакомыслящих по ту сторону левых и правых» со статьями об Алене Сорале и Пьере Паоло Пазолини. Особенно интересно впервые опубликованное на немецком языке интервью с Пазолини 1974 года.

Читатели его «Писем мародёра» уже знакомы с его мыслями о «тоталитаризме общества потребителей», о «фальшивой толерантности» и о «фашизме антифашистов»; тем не менее, его анализы и в настоящее время спустя 40 лет по-прежнему шокируют.

Творчество Пьера Паоло Пазолини уже добрых два десятилетия оказывает на меня буквально неистощимое, полное противоречий очарование. Он принадлежит к тем авторам, которых едва ли можно точно классифицировать или привести к одному знаменателю. В марте мне довелось посмотреть на киноэкране его фильм «Евангелие от Матфея» (1964). Будоражащий, неповторимый фильм, эстетические корни которого уходят глубоко в тысячелетние европейские традиции, парадоксальное чудо воодушевленного религиозной мощью произведения, созданного человеком, считавшего самого себя атеистом и марксистом.

Этот же режиссер смог также экранизировать «120 дней Содома» маркиза де Сада, свой последний, самый радикальный и больше всего неправильно понятый фильм. Я уверен, что очарованный христианством марксист Пазолини в конце своей жизни смиренно согласился бы с пророчеством католического «реакционера» Николаса Гомеса Давилы: «Маркс и евангелия уйдут. Будущее принадлежит порнографии и кока-коле».

В самый разгар «свинцовых лет», когда теракты левых и правых потрясли Италию, Пазолини констатировал, что левый антифашизм зафиксировался на фантоме прошлого, который мешает ему понять «первую, настоящую рево-

люцию справа». То, что он подразумевал при этом, однако – будучи сторонником марксистской терминологии и обращаясь к лево-интеллектуальной публике – не имело практически ничего общего с политическими правыми в настоящем смысле или в смысле их собственного самопонимания.

Наоборот эта «революция», которая является в первую очередь технологической, радикально упраздняет «унаследованные из прошлого общественные учреждения», такие как «семью, культуру, язык, церковь», с защитой которых, в общем, ассоциируются правые, чтобы поставить на их место господство тотального потребления. Мир должен превратиться в тотальный супермаркет, если намекнуть на формулировку Уэльбека, который с многих точек зрения, например, в своей критике сексуальной вседозволенности, является наследником Пазолини.

Новое буржуазное господство нуждается именно в потребителях с исключительно прагматичным и гедонистическим менталитетом; так как цикл производства и потребления наиболее безупречно осуществляется в техницистском и чисто земном мире.

Однако эта «революция» в своих последствиях означает конформизм, превращение в однородную массу, уравниловку, потерю языка, всеобъемлющую индоктринацию средствами массовой информации, уничтожение «разнообразных способов быть человеком». В соответствии с марксистской терминологией Пазолини применил здесь понятие «буржуазии», которая хочет «весь мир перестроить по своему подобию».

Все, что в этом мире является живым и другим, должно быть искоренено и превращено в потребляющего «буржуа»: как южно-итальянские крестьяне, так и люмпен-пролетариат пригородов Рима, как неаполитанская народная культура, так и люди третьего мира, к которым Пазолини испытывал сильную симпатию – и на которых он также, пожалуй, возлагал определенные надежды, которые скорее стоило бы назвать романтическими. Под «буржуа» понимается по существу то, что «Tiqqun» обозначает сегодня как «Bloom».

Пазолини не боялся назвать этот процесс настоящей «антропологической мутацией», даже «геноцидом». Старый фашизм не смог даже поцарапать «душу итальянского народа». Новый, «гедонистический фашизм», напротив, радикально разрушает ее, так же, как и другие народы и культуры. В одной из моих самых ранних статей для «Юнге Фрайхайд» я по поводу тридцатилетия со дня смерти Пазолини указал на эти связи, а также на часто поразительную близость к критическим по отношению к либерализму правым умам, таким, как Армин Молер, Эзра Паунд или Жан Ко.

Это тот момент, который многие либертарианцы, как бы сильно они не выступали против эгалитаризма и социализма, не могут понять. Радикально освобожденный рынок, который не признает над собой никаких богов, оказывается еще эффективнее в нивелировании культуры и «культур» (как сказал бы Алан де Бенуа), чем какая-либо социалистическая система. И его утопическая конечная цель похожа на конечную цель марксизма как две капли воды. В конце пути находится полностью рационализированный, во всем подвластный экономике, пацифизированный, пост-исторический, массово-эвдемонический мир. Это также смысл знаменитой речи телевизионного магната из фильма Сидни Люмета «Network» (1976), сценарий которого вышел также из-под пера марксистского автора (Пэдди Чаефски).

Писатель Ульрих Шахт формулирует это так – сегодняшний «капиталист» сказал бы:

«Потребители всех стран объединяйтесь! «Землю нужно выровнять в один гигантский торговый дом. Человек должен уменьшиться до личностной структуры постоянной монады производства и потребления».

Раскритикованные Пазолини иллюзии левых ввиду этого процесса немного напоминают мне наших сегодняшних либертарианцев (это понятие приблизительно означают то же самое, что левые сегодня называют «неолиберализмом»), по меньшей мере, в определенном принципиальном смысле. Так сказать, одна партия не видит того, что она играет роль только другой половины щипцов, и они обе заблуждаются относительно природы этих щипцов. Пазолини в 1973 году так писал о распространении массовой культуры:

«Это положение вещей принимается всеми левыми; так как тот, кто в этой игре не хочет стоять в стороне, у того нет никакого другого выбора, кроме как принять ее. Отсюда исходит общий оптимизм левых, их энергичная попытка присвоить созданный технологической цивилизацией новый мир, который больше не имеет ничего общего со всем тем, что было до него. Левые радикалы идут еще на один шаг дальше в этой иллюзии, приписывая этой созданной технологической цивилизацией новой форме истории таинственные силы обновляющего освобождения».

Тогда как именно это развитие вызвало бы взрыв, который зажег бы последнюю искру «пролетарского классового самосознания» и сделал бы новый мир возможным. Сегодня, несколько поколений спустя, акценты здесь определенно сдвинулись, в соответствии с победоносной тенденцией, с критикой в адрес которой в свою очередь Пазолини снова обращался к левым 1968 года и к ним подобным. Если сегодня левые радикалы и Антифа мечтают о бунтах и восстаниях, то здесь в первую очередь говорят искаженные, невротизиро-

ванные, лишенные корней дети буржуа, сыновья и дочери сверхвседозволяющего общества потребителей и общества всеобщего благоденствия, которые, впрочем, призывают к еще большей либерализации и к еще большему государственному соцобеспечению.

Тут уже не может быть и речи о «пролетарском» движении, как и о «классовом самосознании». Все это бесконечно далеко от аскетических левых прежних времен. То, что должно наступить после шумного краха, остается неясным. Люди с подобной воздействию опиума фиксацией на «фашистского» крокодила заблуждаются в размытости собственных требований, вероятно, еще более помешанные, чем во времена Пазолини. Если различные ультраправые группы, которые составляют только маленькую долю от числа их антифашных противников, соучаствуют в этом цирке, то они не делают ничего большего, кроме как адаптируют культ вокруг фантома из комнаты ужасов всемирной истории, только сменив стороны.

Затем внеевропейские иммигранты (которые, вопреки надеждам Пазолини, не хотят ничего больше, кроме как получить и свой кусок от западного потребительского пирога) были подняты до статуса якобы освященного революционного субъекта и защищали «культурно-марксистские» программы, которым усиленно содействуют, между тем, также богатые и могущественные. Почему, например, как Джефф Безос, так и Марк Цукерберг и Ллойд Бланкфейн являются прилежными пропагандистами «гомосексуальных браков» – об этом не задумываются в достаточной степени даже в среде левых.

Что сказал бы Пазолини, никогда не делавший тайны из своего гомосексуализма, например, о обуржуазивании гомосексуалистов и об их превращении в инструмент культурной борьбы капитала? Что сказал бы он о девальвации брака до предмета потребления ради нарциссической прихоти меньшинства?

Прежде чем я перейду к удивительным цитатам из напечатанного в *Contrast* 3/2014 интервью с Пазолини, я хочу сначала подчеркнуть следующий блестящий пассаж, который нам следует хорошо запомнить:

«Я не сказал бы, что преподаватель, который побужден определенным левым экстремизмом и не дает диплом молодому правому, нетолерантен. Я скажу, что он – терроризируемый. Или террорист».

В действительности: «Нетолерантность» – в конечном счете, слишком безвредная и слишком частная категория для этих вещей. Если, например, антифанты поджигают машины неприятных для них журналистов или обрисовывают жилые дома неугодных политиков цветными надписями со зловещными угрозами, то это явно террористические акты, которые служат запугива-

нию, угрозе и созданию атмосферы страха и давления. Того же самого добиваются антифа-журналисты, которые «клеят» имена большей частью беззащитных и безвластных людей в искаженном и подстрекательском контексте, и при этом их ничуть не волнует, разрушают ли они тем самым карьеру, материальную основу жизни, семью или перспективы на будущее какого-либо молодого человека. «Google» – это один из лучших друзей их стратегий – что также и в этом моменте демонстрирует в итоге странный союз между левыми радикалами и охватывающим весь мир управляющим мнениями и сознанием монополистическим спрутом.

В начале шестидесятых годов Пазолини, который считался скандальным автором и также по мере сил сам содействовал этой славе, подвергся нескольким охотам за ведьмами и унижительным клеветническим кампаниям со стороны тогда еще могущественной правой и консервативной прессы. Его заваливали судебными исками, наносящими ущерб его репутации – среди прочего его обвиняли в соращении несовершеннолетних и в «унижении религиозных символов». Пожалуй, именно этот травматический опыт повысил его чувствительность для более позднего восприятия механизмов социальной изоляции в современном обществе. Он был в этом отношении беспристрастен. И даже после культурного левого поворота шестидесятых годов он отказался плыть по течению.

«Но я говорил, что эти события – это терроризм, а не нетолерантность, так как для меня настоящая нетолерантность – это нетолерантность общества потребителей, нетолерантность дозволенной свыше свободы, которая является истинной, наихудшей, самой коварной, самой холодной и самой непреклонной формой нетолерантности. Ибо это нетолерантность, которая носит маску толерантности. Ибо она не правдива. Ибо ее можно упразднить каждый раз, когда власть в этом нуждается. Ибо это настоящий фашизм, из которого получается искусственный антифашизм: бесполезный, лицемерный, и по существу высоко ценимый режимом».

То, что здесь описывает Пазолини, сегодня познает на своей собственной шкуре каждый, кто решается хотя бы на один шаг отойти от консенсуса «политкорректных». И речь идет при этом вовсе не только о случайном дебоше «левых психов», как полагают некоторые либертарианцы и даже некоторые консерваторы, а о том, что тут играет решающую и системную роль.

Также важно наблюдение Пазолини, что те, кто участвуют в этой игре доносчиков и социальной изоляции, в значительной своей части и сами являются терроризируемыми людьми. Террор передается как жало; поэтому скоро не будет никого, кто бегал бы без такого жала. Но там, где находится жало, там

распространяются также страх и неуверенность. Так воспитывают массу, чтобы она была единообразной и тихо-спокойно сидела на одном месте.

Теперь слова самого Пазолини.

«Сегодня существует устаревший антифашизм, который по существу образует лишь хороший предлог, чтобы получать в награду реальный патент антифашизма. Речь идет о дешевом антифашизме, предметом и целью которого является архаичный фашизм, которого больше нет, и которого больше никогда не будет. Давайте исходить из «Fascista», последнего фильма [Нико] Нальдини. Этот фильм, который занимается вопросом отношений между руководителем и массой, показывает как вождя, Муссолини, так и ту массу как две абсолютно устаревшие фигуры. Сегодня вождя вроде него абсолютно невозможно представить, не только из-за бессмыслицы и нерациональности того, что он говорит, но и потому что в современном мире для него не нашлось бы вообще никакого места, никакой возможности верить ему. Одно только телевидение лишило бы его шансов на успех, политически уничтожило бы его. Методы этого вождя подходили для подиумов, для демонстраций перед «огромными» человеческими массами, но они ни в коем случае не сработали бы на экране.

Это не простая констатация, поверхностного и чисто технического рода, а символ тотального изменения нашего способа жить и общаться. То же самое справедливо и в отношении толпы, этой «огромной» массы. Достаточно бросить взгляд на эти лица, чтобы увидеть, что «эта масса» больше не существует, что они – погребенные мертвецы, наши предки. Этого достаточно, чтобы понять, что «этот фашизм» никогда не вернется. Поэтому добрая доля сегодняшнего антифашизма, или, по меньшей мере, так называемого антифашизма, либо наивна и тупа, либо представляет собой чистый предлог и нечестна; в действительности этот антифашизм борется с мертвым и погре-

бенным, с устаревшим феноменом, который больше не может никого напугать, или же он делает вид, как будто борется с ним. В общем и целом это чрезвычайно удобный и дешевый антифашизм.

Я в высшей степени убежден в том, что настоящий фашизм это то, что социологи слишком красиво назвали «обществом потребителей», определение, которое кажется безвредным и чисто информационным. Но это ни то, ни другое. Если хорошо понаблюдать за действительностью и если уметь читать, прежде всего, по предметам, ландшафту, городскому строительству и, в частности, по человеку, то можно увидеть, что последствия этого беспечного общества потребителей являются самими последствиями диктатуры, однозначного фашизма. В фильме Нальдини можно увидеть, что молодые люди были подчинены и носили форму... Но есть разница: как только эти молодые люди после этого снова сняли свою форму и отправились в путь по селам и к своим полям, они во всем снова стали итальянцами, которыми они были пятьдесят или сто лет назад, т.е. до фашизма.

Фашизм сделал из них марионеток, служителей – вероятно, также частично убедил их – но на самом деле он не поразил их внутри, не затронул глубину их души, их способ жизни. Новый фашизм, напротив, общество потребителей, коренным образом изменил молодых людей, поразил их в самом интимном месте (...)

Но есть еще такой более значительный факт: фашизм, который знали тогдашние люди, я имею в виду тех, кто был антифашистом и на протяжении двадцати лет сам переживал фашизм, войну, сопротивление, этот фашизм был, в общем и целом, фашизмом лучшим, чем фашизм сегодняшней. Я думаю, что двадцать лет фашизма не потребовали так много жертв, сколько потребовали их эти последние годы.

Страшные события как бойни в Милане, Брешии, Болонье [теракты, взрывы бомб в конце 1960-х и начале 1970-х годов] не происходили в течение тех двадцати лет. Конечно, было убийство Маттеотти [Джакомо Маттеотти, социалистический депутат, убитый фашистами в 1924 году], были и другие жертвы с обеих сторон, но преступлений такой силы, злости, бесчеловечности и ледяного холода, как те, которые начались с 12 декабря 1969 года (теракт в Милане), никогда еще не бывало в Италии.

Что касается этих упомянутых боен, то Пазолини был убежден, что они были инсценировками «стратегии напряженности»:

Давайте последуем за черными следами. У меня относительно этого есть одна, вероятно, несколько романтическая идея, но которую я считаю правдивой.

Вот она: люди у власти, и я мог бы, наверное, прямо цитировать имена, без большого страха ошибиться – скажем так, некоторые из людей, которые управляют нами уже тридцать лет – организовали сначала стратегию антикоммунистической напряженности, а потом, когда был посеян страх перед переворотом 1968 и непосредственной коммунистической опасностью, эти же самые люди у власти организовали и стратегию антифашистской напряженности. Итак, эти боины осуществлялись теми же самыми людьми, они сначала совершили бойню на площади Пьяцца Фонтана [в Милане в 1969 году] и обвинили в этом левых экстремистов, затем прибавили боины в Брешии и Болоньи и «повесили» их на фашистов, чем они спешно пытались восстановить свою антифашистскую невинность, в которой они нуждались после кампании плебисцита и после плебисцита, чтобы смочь и дальше управлять властью, как будто бы ничего не случилось».

Как можно применить этот его вывод к сегодняшней ситуации?

«Поэтому есть так много ненависти, так много в высшей степени шокированных людей, и так мало, совсем мало способности прощать ... Только это так, что эта порой искренняя, потом снова совершенно неискренняя ненависть направлена на неправильный объект, а именно, на устаревших фашистов, тогда как на самом деле этим объектом ненависти должна была бы быть реальная власть».

Сегодняшние «антифашисты» все еще не поняли этого. Они, вопреки своему собственному представлению о себе, являются ничем иным, как фигурками в игре и пособниками этой «реальной власти».

Источник: <https://sezession.de/44179/pier-paolo-pasolini-faschismus-antifaschismus-und-konsumgesellschaft>

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).